

Посвящается моим сыновьям
Брету и Нейтану,
сердцу души моей, душе моего сердца.

Часть I

О, любовь — загадка загадок.
Не нашлось еще мудреца,
Чтобы все ее тайны раскрыл.

Уильям Батлер Йейтс

Тот, кто исполняет свой долг так,
как диктует ему естество,
никогда не грешит.

Бхагавадгита

Глава первая

Восточный Кентукки, конец июля

Сразу после того, как в первый день путешествия Райан Демарко вошел в лес, у него сел телефон. Раз уж у него пропала возможность сверять свою дорогу вверх по горе с часами и GPS, мужчина засунул свой телефон в носки и положил на дно рюкзака. На секунду он подумал убрать и свое нетабельное оружие, 40-калиберный «Глок 27», более легкий и изящный, чем «ЗИГ-Зауэр» 45-го калибра, но передумал из-за мысли о черных медведях, полосатых гремучниках, щитомордниках и диких собаках. Вряд ли он тут встретит пуму или торговца наркотиками, а сборщики женьшеня сейчас, наверное, видят седьмой сон, но каждый из вышеперечисленных все же мог представлять угрозу. К тому же без оружия он вообще чувствовал себя не в своей тарелке. Поэтому, несмотря на дополнительный вес «Глока» и кобуры, висевших на пропитавшемся потом поясе его джинсов, Демарко держал оружие наготове.

На протяжении всего дня, пока Демарко взбирался на гору, становилось то светлее, то темнее, и сменяли друг друга разные ветровые потоки — один на несколько градусов прохладнее и отдавал мхом, другой же был теплее и нес с собой тяжелый запах гни-

лой древесины, вечного разложения. Ощущение собственной неугомонности, жажда, усталость, ноющие мышцы, не привыкшие к такой активности, бесконечные полчища мошек и комаров, которых привлекал пот на шее, лице и плечах, а также зов крови, бегущей по венам мужчины, были ему надежными спутниками.

Каждое из этих ощущений воспринималось с некой остротой и отстраненностью, которые и сам мужчина находил интригующими. Как если бы второй, призрачный Демарко по пятам следовал за первым и тоже пробирался вверх по склону через густой лес. При этом не только отмечая все ощущения первого, но и подслушивая его мысли, самобичевания и угрызания совести, пока он раз за разом вспоминал все ошибки вчерашнего дня. Второй Демарко наблюдал за первым с любопытством и легкой насмешкой, а иногда с некой жалостью.

Из-за густой сени деревьев высотой около сорока футов, а также второго слоя молодой поросли, в лесу не было прямых лучей солнца. Полумрак то сгущался, то рассеивался. Когда солнце ненадолго показывалось, многочисленные промежутки между листьями становились светящимися дырочками и быстро заполняли все пространство вокруг. Весь день Райан шел от одного тоненького желтого лучика с танцующими пылинками к другому, а забытое небо напоминало мигающую люминесцентную лампу, спрятанную где-то высоко наверху.

Во время привалов Демарко смотрел вверх, на кроны, и ему казалось, что листья плавают в молочно-белой воде (а если вечером, то в чернилах). Он вспоминал свое детство и леса, в которые так часто сбегал, когда в те далекие времена гнев в нем уступал место

Прогулки на костях

всепоглощающей печали, переходящей в слезы. А это, в свою очередь, сейчас снова напомнило ему о семи убитых девочках, чье детство, без сомнения, было намного печальнее его. И тогда он с новыми силами устремился вверх по горе, надеясь, что очередной прилив решимости заглушит его усталость.

Высокая сень дубов и других лиственных деревьев создавала живую мозаику из листьев. Оттуда доносились карканье ворон, крики козодоев и сердитый писк белок. Лес кишел и другими животными, кроме вездесущих бурундуков, которых он заметил первыми как на земле, так и на нижних ветвях. Райан слышал, как вдалеке кричат индейки. Он охотился на кроликов и тетеревов, а однажды стоял в десяти футах от лани и ее олененка, наблюдая, как они следят за ним. Дважды он слышал гул самолетов и один раз свист вертолета, доносившиеся из-за высоких облаков.

С этой далекой реальностью у него не ассоциировались никакие запахи, разве что неожиданная свежесть, редкое, мимолетное дуновение прохладного ветерка, пересекающее его путь, даже не потревожив папоротник. Подлесок и земля же, напротив, изобиловали запахами: перегной, грибы, цветы, папоротник, мох, загнившие листья и деревья, мертвые туши и собственный пот. Однажды, в самый первый день, мужчина почувствовал запах сигаретного дыма, но с тех пор воздух наполняли разнообразные запахи леса, к которым он теперь относил и свой собственный.

Эти запахи тоже напоминали ему о юности, о тех бесконечных днях всех времен года, когда его спасали тишина и безопасность леса, его мрак приносил с собой чувство защищенности. Сейчас мужчина осознал, как сильно ему не хватало этого запаха сухих листьев

на земле, влажного слоя под ними с его густым, глинистым ароматом разложения, более легких запахов папоротника, древесной коры и гниющего бурелома. Будто ожила часть далекого прошлого — эти ароматы годами жили в его памяти, ожидая, пока он раскроет между ними окно.

А также не хватало и звуков леса. В первый же час мужчина оставил позади себя тропы вместе с туристами, шумными подростками, опьяненными своей свободой, и даже одинокими миллениалами, бредущими к любимым лагерям. Теперь самыми громкими звуками были его собственные шаги и сухой шелест листьев на фоне приглушенного и естественного.

Долгое время после смерти Томаса Хьюстона Демарко мучил низкий рокочущий звук, совершенно для него непонятный. Он не только слышал его, но и ощущал на своих барабанных перепонках. Словно на низких частотах играли басы, аккомпанируя всему, что делал Райан — пытался ли он заснуть, слушал музыку или просто сидел за столом, уставившись в окно. Почти всегда с ним, прямо как утренний кофе. Иногда он забывал про этот звук в течение дня, но в тишине тот неизбежно возвращался. Раз за разом мужчина открывал окно или дверь, чтобы проверить, не припарковался ли рядом грузовик, а может, соседи громко включили музыку, слишком низко пролетел самолет, приближается гроза или где-то далеко прогремел гром. Но ничего такого поблизости не оказывалось. Порой казалось, что звук исходит из самой земли. Когда он становился особенно назойливым, а источник его определить было невозможно, Демарко расхаживал по дому — прикладывал ухо к холодильнику или стоял в подвале с открытой дверью, склонившись всем телом в полумраке. Должно быть, что-то случи-

Прогулки на костях

лось с конденсатором, вентилятором или перегруженным мотором.

Каждый раз, когда мужчина находился в тишине, искал тишины или отчаянно в ней нуждался, рокот всегда был с ним. Когда он в одиночестве просыпался среди ночи. Когда он лежал по утрам, жалея, что не поспал дольше. В душе. Один в своем кабинете с закрытой дверью. Один в своей машине с выключенным двигателем и радио. Один. Один. Одни. Рокот всегда был с ним.

В какой-то момент он уже даже решил, что звук этот у него в голове. Опухоль давит на нерв. Короткое замыкание синапса. Может, там что-то постоянно каталось, как маленькие шарики в детских игрушках. Сгущение. Нарушенный поток. Затвердевание чего-то, что не должно быть таким.

Но сейчас, за сотней футов на лесистой горе, рокот исчез. Здесь порхали птицы, а некоторые из них чирикали. Здесь белки прыгали с ветки на ветку. Жужжали насекомые, щекотали его кожу, пили его пот. Но никакого рокота. Слава богу, этот рокот закончился.

Вот уже больше пяти часов он тащился вверх по склону через этот полумрак, тишину и сырость, через утомительную летнюю жару леса. Вот уже пять часов ветви и лианы хлестали и резали его, словно мученика, пока он спотыкался о корни и валуны, падая на колени в спрятавшийся за листьями перегной, пока на каждом шагу его поджидали рычание, кваканье, валуны и камни, пока его беспрерывно кусали и жалили. И вот теперь день и ночь уже начали сливаться в одно бесконечное испытание.

Все изменилось на следующее утро — последнее утро подъема в гору, по его подсчетам. Общая высота составляла всего лишь 3 100 футов, поэтому Демарко думал, что поиски не займут и половины того време-

ни. Однако он не ожидал, что лес окажется настолько темным и сбивающим с толку, что легко можно будет больше часа идти на восток и считать, что идешь на север. Не думал, сколько времени займет обходить все валуны и скользкие овраги, сколько раз ему придется устраивать привалы и насколько медленно он на самом деле двигается.

В то первое утро в лесу Демарко вылез из спального мешка, свернул и упаковал мешок и брезент, а затем встал у стройного дуба, чтобы помочиться, перед тем как взвалить на плечи рюкзак и пойти дальше. В дороге он хотел пожевать парочку кофейных зерен. На завтрак у него остались последние четыре кусочка вяленой говядины. Он надеялся, что к полудню найдет какие-нибудь признаки того, что здесь побывал человек, — мусор, едва заметный след, разделанная туша животного, запах костра.

Помочившись у дерева, мужчина застегнул ширинку и подумывал достать кофейные зерна и положить их в карман, когда в ствол дерева выстрелили из ружья и на него посыпались обломки коры. Демарко сразу же вытащил «Глок» из кобуры и почувствовал, как его лицо защипало, а глаза заслезились от коры. Затем он нырнул в укрытие за раздвоенный ствол широкого дуба в шести футах справа.

Из-за скользких листьев мужчина оказался на несколько футов дальше, и вот он уже кувыркался, скапывался, отскакивал и скользил вниз по крутому оврагу. По пути вниз он ударился затылком об острый край утеса, спрятанный за листьями, и из-за этого потерял и оружие, и сознание.

Через какой-то неопределенный промежуток времени он все лежал, еще не до конца придя в сознание, и воспринимал только плывущую высоко над головой

Прогулки на костях

мозаику листьев вместе с дрожащим светом, жгучую пульсирующую боль, простреливающую от лодыжки до колена в такт бешеному пульсу, и ощущение, что за ним наблюдают.

Секунды текли, и Райан вспоминал все больше. Выстрел из ружья. Его прыжок. Долгое и беспомощное падение на дно оврага. Сейчас он лежал среди влажных листьев и чувствовал, как под ними течет медленный, но прохладный ручеек. Вскоре он вспомнил о своем оружии, согнул пустую руку и дотянулся до кожаной кобуры, которая теперь была набита листьями.

Мужчина лежал там как будто голый. Охотничий нож с лезвием в десять дюймов остался в рюкзаке у дерева. Бежать не было смысла — Демарко сомневался, что вообще сможет встать. Он пока что не хотел даже смотреть на свою ногу, боясь того, что может там увидеть. Поэтому он остался лежать неподвижно, слушая и выжидая. С дерева упал желудь. Что-то крохотное зашуршало под листом. Весь лес щелкал, скрипел и трепетал. Он потерял все в мгновение ока.

Он подумал: «Если в лесу будет умирать человек, кто-нибудь услышит?»

Эта мысль вызвала у него улыбку, но отнюдь не веселую. «Ты в дерьме», — сказал он себе.

Глава вторая

Юго-запад Кентукки, двумя днями ранее

— Их обнаружили в 2014 году, — сказал мужчина Демарко. — От семи девушек остались лишь кости.

— Меня зовут Хойл, — сказал он, но руки не протянул. В его хрипловатом голосе слышались южные

нотки, артикуляция была точной и заученной, а чуть прерывистая речь наводила на мысль об остром уме, за которым не поспевали слова.

Он был на полфута ниже Демарко, но вдвое шире. Полный, медленно говорящий мужчина лет семидесяти или старше, с лысиной и покрытым потом лицом. Он тяжело дышал, несмотря на то что с момента встречи с Демарко не сдвинулся ни на шаг. На нем был черный поношенный двубортный костюм, белая рубашка с потным воротником и темно-синий галстук. На ногах простые черные туфли блестели от утренней росы. Манжеты его потрепанных брюк тоже были мокры, как и кроссовки Демарко — трава на неухоженной стоянке доходила им до колен.

— В середине июля, — продолжил Хойл, — совсем как сейчас. Жара просто адская. Если бы не термиты, то бедняжек могли вообще не найти.

Мужчина не отрывал своего взора от Демарко, моргал он медленно и нечасто, что добавляло странности этому утру — вместе с внешностью Хойла и некой торжественностью его речи. Даже жужжание насекомых и щебет птиц теперь казались неуместными, мир словно чуть перекосялся.

— Семь скелетов в коробке четыре на четырнадцать на десять футов, — сказал Хойл. — Каждый из них в коконе прозрачной пластиковой пленки. Такими закрывают пол, когда красят стены. Каждый такой кокон запечатан серебряной клейкой лентой. Каждый скелет тщательно очищен, вероятно, путем вымачивания в холодной воде.

— Так можно избавиться от всего? — спросил Демарко. — Полностью отделить кости?

— Девяносто восемь процентов. Остальное можно с легкостью убрать руками. Замачивание в отбеливателе будет столь же эффективно.

Прогулки на костях

Демарко вздрогнул.

— Все одного возраста?

— От пятнадцати до девятнадцати.

Демарко задумался. Слишком мало деталей. Как же их связать?

А затем ярко-желтое пятно скользнуло между мужчинами, прямо в дюйме от носа Демарко. Он резко отпрянул назад, но в следующую секунду узнал, что же теперь порхает мимо широкой груди Хойла. Бабочка.

Хойл не дрогнул и не отвел взгляда от Демарко.

— Но вот что интересно, — заговорил Хойл. — Среди убитых нет ни одной белой. Все афроамериканки с чуть светлой кожей. Что вы об этом думаете?

— Либо фетиш на девушек с подобным цветом кожи...

— Либо?

— Либо ненависть к ним.

Хойл улыбнулся. Он наконец отвел взгляд, чтобы проследить за бабочкой, которая проплыла по тихой улочке и села на куст клетры.

— Солнечная бабочка, — сказал он. — *Phoebis sennae*. Самка.

Он достал из кармана белый платок и промокнул им лицо и голову.

— Бабочки и колибри, — заявил Хойл. — Каждое лето мы от них страдаем.

И затем мужчина сделал престранную, по мнению Демарко, вещь. Вытянув обе короткие тяжелые руки, в одной из которых между большим и указательным пальцами все еще был зажат белый платок, Хойл медленно и с чувством взмахнул руками, словно, несмотря ни на что, сам надеялся взлететь.

Часть II

Мне нравятся люди, которые могут улыбаться в беде, в своем горе черпать силу и становиться храбрее от своих размышлений. Сжиматься — удел маленьких умов; но те, чьи сердца тверды, а деяния совершены по совести, будут следовать своим принципам до самой смерти.

Томас Пейн

Глава третья

Западная Пенсильвания, прошлая зима

Воскресенья Демарко проводил на могиле малыша Райана. Он не пил, не ходил в церковь, не просил прощения своих грехов. Он знал, что Бог допустил то зверство, которое пережил его умерший сын, ту дикость, которую вынесли умерший Томас Хьюстон и его семья, ту чудовищность, которую демонстрировал Карл Инман. И Демарко понимал, что мольбы и о милосердии, и о прощении подобным Богом могут быть лишь жестоко высмеяны. Поэтому Демарко ничего не просил и даже намеренно скрывал, в чем нуждался больше всего, будто надеясь, что его собственное упрямство будет сильнее Божьего.

В это воскресенье в начале декабря он сидел в своей машине — двигатель выключен, дверца распахнута, а ноги мужчины были в снегу. В руках он держал металлический термос с дымящимся кофе. Он слушал, как скрипят от холода голые деревья. Слушал, как сухой ветер скребет по мрамору, металлу и покрытому льдом снегу.

Пока его пальцы не заоченели от холода, Райан достал из заднего кармана круглый серебряный медальон, который всегда носил с собой. Каждую ночь мужчина клал его на прикроватную тумбочку, чтобы

он мог легко взять его, если проснется среди ночи. В ту ночь, когда Демарко сообщили о смерти сына, заботливая медсестра вручила ему конверт с прядью тоненьких белых волос ребенка. На следующий день мужчина купил два серебряных медальона и одну серебряную цепочку. Ларейн носила свой медальон на шее. Она не поблагодарила его, когда Райан подарил ей медальон, и с каждой неделей говорила с ним всё меньше и меньше. Однажды, вернувшись домой после работы, он обнаружил, что вся одежда Ларейн и ребенка исчезла. В конце концов он нашел жену в крохотном арендованном домике в Эри. Она не прогнала его и терпеливо выслушивала тихие печальные мольбы, но при этом женщина никак не утешала, не упрекала его, и поэтому все казалось для Демарко обвинением, причем вполне заслуженным.

И вот на кладбище в это воскресенье, каждое воскресенье, он держал в левой руке металлический термос с кофе, а в правой — медальон. Время от времени он поглядывал на ледяное, тусклое, затянутое облаками солнце и следил, как оно опускается за горизонт. Время от времени на шоссе тормозила огромная фура, стуча словно барабан, отчего мужчина стискивал зубы. Иногда пронзительно кричала ворона, а потом то нарастали, то стихали колонки автомобилей. Любой звук заставлял его морщиться и напрягаться. А когда посторонних звуков не было, то всегда возвращался слабый рокот, который, казалось, доносился со всех сторон одновременно.

Демарко хотел лишь тишины — внутри и снаружи. Абсолютной, вечной тишины.

Он сидел так подолгу — термос уже пуст, ноги онемели, а руки покраснели и горели. Теплым оставался лишь медальон, зажатый в его правой руке.

Прогулки на костях

Только после того, как он весь продрог и выплакал все глаза, вспомнил, обдумал и проклял все свои губительные поступки, только тогда он признавал, что новая боль не может заглушить старую, никогда не поможет забыться или изменить прошлое. Боль — это не огонь и не магия, это лишь человеческое страдание. И она останется с ним на всю жизнь.

Глава четвертая

После смерти Хьюстона и Инмана, и Бонни, и всей семьи Хьюстон Демарко согласился посещать психолога. Его босс и несколько сослуживцев начали с опаской на него поглядывать, будто он был блоком С-4 или любой другой взрывчаткой, и такое поведение, сказал себе Райан, действительно может заставить взорваться. Он хотел, чтобы все было так, как несколько месяцев назад. Нет, несколько лет. Тринадцать с половиной лет назад, если быть точным. Чтобы его сын, его тезка, снова был в его жизни... Это бы все изменило.

Во время первого сеанса психолог поинтересовался, как Демарко относится к смерти Хьюстона. И что насчет убийства Бонни, ее глотку перерезали прямо рядом с тем местом, где он спал? Винил ли он себя в этих трагедиях?

Демарко чувствовал себя, как будто он смотрел серию «Клан Сопрано» после трех двойных порций виски. Он не смеялся и не злился, а лишь отрешенно наблюдал, как одна сцена сменяет другую.

М о з г о п р а в: Вам не нравится, что приходится со мной разговаривать?

Д е м а р к о: Вам за это платят.

Мозгоправ: Но вам кажется, что это не нужно. Будто я вторгаюсь.

Демарко: Я не экстраверт.

Мозгоправ: Простите?

Демарко: Психологи заставляют экстравертов видеть себя.

Мозгоправ: Под «видеть» вы подразумеваете изучать? Критиковать? Вам это не нужно?

Демарко: Все, что я вижу, — это зеркало. Вы со стеной выглядите одинаково в моих глазах.

На втором и последнем сеансе психолог попробовал что-то новое, попытался выудить нечто большее, чем передергивание плечами и короткие фразы. Мозгоправ был неплохим парнем, без сомнения, он хотел как лучше, но Демарко не испытывал к нему ни враждебности, ни сочувствия, ни интереса, ни презрения.

Мозгоправ: Давайте поговорим о Карле Инмане. О единственном человеке, которого вы застрелили. Вы сожалеете об этом?

Демарко: У меня не было выбора.

Мозгоправ: Выбор есть всегда.

Демарко: Убей или будь убитым. Это вы называете выбором?

Мозгоправ: Далеко не лучший, но всё же выбор — забрать жизнь или пожертвовать своей.

Демарко: Я не жертвовал бы и жизнью червяка для такого, как Инман.

Мозгоправ: Жизнь червяка для вас ценнее человеческой?

Демарко (*после паузы*): Вам когда-нибудь угрожали?

Мозгоправ: Давайте сосредоточимся на вас.

Демарко: Будем считать, что это «нет». В таком случае у вас нет никакого представления о подобной ситуации.

Прогулки на костях

Мозгоправ: Я читал ваш рапорт. Читал ваши документы. Думаю, я вполне представляю, что вы пережили.

Демарко: Это лишь история. История и теория. Слова, написанные другими людьми. Некоторые из которых, как и вы, никогда не знали, каково это, когда их жизни угрожают.

Мозгоправ: Почему бы вам не рассказать, каково это?

Демарко: Как вы поймете, если никогда такого не испытывали?

Мозгоправ: Ну, мы же здесь не обо мне говорим, правда?

Демарко: Вы уверены?

Мозгоправ: В каком смысле?

Демарко (*встает, подходит к нему, наклоняется, сжимает подлокотники мягкого кресла мозгоправа*): Если я прямо сейчас схвачу вас за горло и начну его сжимать, что вам подскажет ваша теория?

Мозгоправ: Пожалуйста, вернитесь в свое кресло, сержант.

Демарко (*наклоняется ближе, шепотом*): Откуда вам знать, уйду ли я? Откуда?

Мозгоправ вжимается в свое кресло... неловко наклоняется вбок... тянется к своему портфелю... возится с застёжкой.

Демарко улыбается, встает прямо... Поворачивается спиной, возвращается на свое место. Он садится, улыбаясь, кладет руки на колени.

Но теперь у мозгоправа пистолет, «Бретта» 380-го калибра, полуавтомат, короткий серебряный ствол виднеется над его руками, они прижаты к паху и дрожат.

Демарко: Допустим, вы это сделаете. Допустим, вы нажмете на курок. Вы будете потом об этом сожалеть?

Мозгоправ: Сеанс окончен.

Демарко: Теория и реальность, док. Не одно и то же. Лучше их не путать.

Мозгоправ: Я все это напишу в рапорте. Каждую секунду.

Демарко (*улыбается, встает*): Уже мечтаю его прочитать.

Глава пятая

Согласно какой-то невысказанной договоренности, Джейми ушла, когда он вернулся домой после того, как навестил могилу своего сына. Уже четыре субботы подряд она проводит с ним ночи — томные, чудесные ночи. Пока она спала, мужчина часто подыскивал слова, чтобы рассказать ей, как много значат для него эти ночи, но утром, когда он их повторял про себя, они казались ему фальшивыми, и он позволял им кануть в небытие. Райан не умел красиво говорить. Его жизнь и работа никак не способствовали развитию красноречия, и ему было легко это принять. Но регулярные встречи с Джейми заставляли его заново оценить эту ситуацию.

В их первое воскресное утро Джейми заметила, как мужчина резко изменился. Райан расхаживал из стороны в сторону, пока они мыли посуду после завтрака — он полностью одет, она все еще в трусах и в одной из его черных футболок. Чуть позже, когда женщина снова налила кофе в их чашки и понесла их в гостиную, затем села на диван, похлопала по подушке рядом с собой и протянула ему газету, он заколебался, на секунду даже запаниковал, но потом взял газету и сел.

Прогулки на костях

Она выдержала пару минут перед тем, как начать разговор.

— У тебя есть какие-то планы на день?

Он снова заколебался.

— Не совсем.

— Ты выглядишь как-то обеспокоенно. Если тебе нужно что-то сделать, то ничего страшного.

— Это неважно, — ответил он.

— Я не хочу вмешиваться в твои привычки. Ты только скажи, и я уйду.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Но ты и не хочешь, чтобы я осталась.

— Я хочу, чтобы ты вернулась.

— И чтобы это сделать, я сначала должна уйти.

— Я не это имел в виду, — улыбнулся мужчина.

Она поставила свою чашку на кофейный столик, перекинула свою длинную обнаженную ногу и села к нему на колени.

— Я поняла. Тебе нужна секс-игрушка.

— Я всегда хотел секс-игрушку, — его рука скользнула ей под футболку.

— Знаешь, их можно онлайн заказать. С быстрой доставкой прямо из Японии.

— Я покупаю только американского производства. Что-нибудь местное, если есть возможность.

— И каковы ваши требования к техническим характеристикам, сэр?

Он убрал свою руку с ее теплой талии и нежно обнял ее шею.

— Кто-нибудь умный, — ответил он. — Умнее меня. Добрее меня. Нежнее меня. И красивее меня.

— Ну, под это определение почти все подходят, — сказала она. — А что насчет физических качеств?

— Мы сейчас идеальный вариант обговариваем?

— Определенно. Пусть сделают на заказ.

— Хммм. Метр семьдесят пять было бы супер. Накачанная, но при этом женственная задница. Грудь, которая помещается в ладонку. Один очень соблазнительный рот. Пара зеленых гипнотических глаз. И густая копна... — он поднял волосы с ее плеч, — как бы ты назвала этот цвет?

— Глубокий оттенок золотистого блонда. Граничащий с медовым.

— Вот такую секс-игрушку я и хочу. Граничащую с медовым.

— Я немедленно ее закажу. О, и еще кое-что. Какую интимную стрижку вы предпочитаете, сэр?

— Мне немного неловко, что ты не заметила, но у меня ее нет.

— Нет, у вашей секс-игрушки, сержант. Предпочитаете все натурально, побрито или взлетную полосу?

— Так вот как это у тебя называется... «Взлетная полоса»?

— Верно. Она служит и для взлета, и для посадки.

— С сигнальными огоньками при интенсивном движении?

В ответ она шутливо его шлепнула.

— Прости, — сказал он. — Это слишком?

— И почти не по делу. Так мне заказывать или нет?

— Да, пожалуйста, — ответил он.

— Готово. А теперь скажи мне, почему тебе так не терпится сегодня от меня избавиться?

Райан опустил обе свои руки вниз по плечам Джейми и накрыл ее ладони своими.

— По воскресеньям я хожу на кладбище.

— Боже, милый, — сказала она. — Навестить Томаса Хьюстона?

— Я хожу навестить своего сына, — ответил он.

Прогулки на костях

Она глубоко вздохнула и наклонилась к нему, обвив руками его спину.

Так они просидели довольно долго. Она больше не задавала вопросов, как и он.

Спустя какое-то время она чмокнула его в щеку, слезла с него, встала и направилась в спальню, чтобы одеться.

Когда женщина вернулась, Демарко стоял у окна на кухне и смотрел во двор. Она снова его поцеловала.

— Я оставлю себе футболку, — сказала она ему.

— А я себе что оставлю?

— Меня, — она положила обе руки ему на лицо, притянула его к себе и поцеловала в губы. Постояла так еще чуть-чуть и затем отошла.

— До завтра, любимый, — сказала она и направилась к входной двери.

Несколько мгновений спустя он посмотрел на пустой дверной проем и задумался: «Как она это делает? Как она может так легко отдаваться любви, не задавая вопросов, без сомнений и страха?» Он делал так лишь мимолетный промежуток своей жизни, и это было спонтанно — неожиданный поток любви, который просто невозможно было сдержать. Это крохотное личико, малюсенький мягкий комочек, три с половиной килограмма волшебства.

«И смотри, чем все закончилось», — сказал он себе. Затем он занял себя ненужными делами по дому, пока не пришло время идти на кладбище.

Глава шестая

После того первого воскресенья все следующие утра протекали медленно и расслабленно. Они смотрели кино, гуляли или ездили в торговый центр. Он

понял, что днем может выглянуть в окно и сказать: «Пожалуй, мне пора», а она лишь улыбнется, не вставая с кровати или дивана, и ответит: «Хорошо, малыш. Увидимся завтра». И когда он вернется домой в сгущающихся сумерках, все комнаты будут пусты, а ее запах будет преследовать его повсюду, еще одна пустая боль, будто старая огнестрельная рана в его груди.

В такие мгновения его снова окутывала тишина собственного безмолвного дома, пока он пребывал в гостиной, развалившись в кресле. Он закрывал глаза и пытался ни о чем не думать, но это было невозможно. Иногда он вспоминал о днях, проведенных в Панаме, а иногда — о своем детстве на стоянке для трейлеров в Янгстауне. Когда он чувствовал, что в ответ на эти мысли невольно напрягается, то начинал думать о Джейми, прокручивать в голове их предыдущую ночь и ее запах в мягком свете утра.

Он не мог определить точно, чувствовал ли он к Джейми любовь или всего лишь благодарность. Служивцем она была первоклассным — умная, проникательная, на нее можно было положиться независимо от трудности поставленной задачи. Но когда она расплетала или распускала волосы по субботам, когда снимала черно-серую униформу, то становилась кем-то другим. Прекрасной, полной любви и волшебной в лунном свете или в мягком розовом сиянии восходящего солнца.

Поэтому он сказал себе, что благодарность — это тоже любовь. Как и та нежность, что он к ней испытывал. И пустота, когда она уходит, и нервное предвкушение снова остаться с ней наедине. И тошнотворный страх, что однажды она передумает, а его рана станет еще глубже и уже никогда не заживет.

Так неизбежно заканчивалась злая шутка вселенной, но он знал, что заслужил это — чувствовать такую любовь и первый раз полюбить в ответ, но так слабо.

Глава седьмая

Той же зимой на юго-западе Кентукки человек по имени Хойл устроился на переднем сиденье своего «Форда Бронко», закинув ноги на пассажирское сиденье, и менял свои обычные черные туфли 44-го размера на пару черных кроссовок «Скейчерс», белую «С» на них он замазал перманентным маркером. Он отрегулировал кресло так, чтобы ему было комфортно садиться в машину и выходить из нее, а тонированные стекла обеспечивали некоторую уединенность.

Была холодная январская ночь, едва ли выше нуля, поэтому под черным пиджаком на Хойле красовался черный шерстяной пуловер с застегнутым воротником. Из-за его веса надевать новую пару обуви всегда было проблематично, а уж тем более стигаться пополам в передней части автомобиля.

Позади Хойла восседала Розмари Туми, невысокая белокожая женщина в синем спортивном костюме из велюра. Она все смотрела в боковое окно, подмечая любые неестественные огни или какие-то движения в деревьях между их машиной и трейлерами Макгинти. Рядом с ней пристроился высокий афроамериканец Дэвид Висенте, одетый в темно-коричневые вельветовые брюки и серовато-оливковый кардиган. В руках он держал биноклярные очки ночного видения, которые Хойл заказал онлайн. Все трое возрастом уже точно за восемьдесят. После того, как авто-

мобиль остановился у обочины грунтовой дороги, все разговоры в нем перешли на полупшепот.

— Прошу, — сказал Хойл, — не надевай их себе на голову, Дэвид.

— Я просто их изучаю, — ответил Висенте. — К тому же у меня чистые волосы.

— Там ремешки настроены специально для меня.

— Я каждый день мою голову с шампунем.

— На всех волосах есть жир. Как и в шампунях.

— Розмари, — вставил Висенте, — они касались моей головы?

— Ни разу, — ответила женщина, не поворачивая головы.

— А я думал, ты купишь монокуляр, — сказал Висенте.

Хойл все еще мучился со своей левой кроссовкой, голова его почти лежала на приборной панели, поэтому говорил он сквозь тяжелые вдохи.

— Согласно исследованиям научно-исследовательской лаборатории армии США в Абердине, штат Мэриленд, биноклярные очки обеспечивают наилучшую конфигурацию для визуальной направленной деятельности.

Он наконец завязал шнурки, сел прямо и перевел дыхание.

Висенте протянул ему очки.

— Ты уже еле дышишь. Если бы не твоя гермофобия, то мы с Розмари могли бы помочь.

— Мизофобия — это патология. Мои же опасения вполне практичны, — Хойл взял очки и надел их.

Он перекинул ноги обратно под руль, а потом поддвинулся к двери, которую тихонько открыл. Все освещение осталось выключенным — он заранее вытаскивал все лампочки.

Прогулки на костях

— Десять минут туда, десять обратно, — сказал Винсенте.

— С какой скоростью? — спросил Хойл.

— Ладно, на все полчаса, — он похлопал Хойла по плечу, хоть и знал, что друга от этого передернет. — Если проснутся собаки, скорее иди назад. Розмари будет мигать фонариком, чтобы ты понял, куда идти. Я буду за рулем.

— Надень перчатки, пожалуйста, — сказал Хойл. Он повернулся налево, свесил ноги из машины и, ухватившись правой рукой за руль, начал вылезать как можно медленнее. Затем он закрыл дверь, включил очки и направился в лес, который теперь горел зеленым.

Его движения были медленными и точными, они почти не сбавляли его обычный темп. Он знал о своих возможностях. Когда Хойл был моложе, даже уже с весом на сотню фунтов больше нормы, он изучал и практиковался в движениях различных крупных мужчин. Тогда он понял, что разница между увесистым Орсоном Уэллсом, к примеру, и грациозным комиком Джеки Глисоном заключалась в терпении, с которым они двигались. «Грация в терпении», — регулярно напоминал он себе, пока эта привычка не стала неотъемлемой частью его природы. Быстрым был только его ум.

Сейчас, медленно шагая по зеленоватому ландшафту, он думал одновременно о нескольких вещах. Некоторые из них были мимолетными, основанными на мгновенных наблюдениях, а другие задерживались, будто его сознание распознавало какую-то деталь, и эта мысль ждала своего часа, как пешеход зеленого света. *Такая странная, жуткая зелень повсюду, как в фильме Роджера Корвина; трейлер Лукаса темный, только он светится синим; надо было хотя бы сравнить эти очки с монокуляром; «Скейчерсы» правда*

очень удобные; осталось где-то шестьдесят ярдов; пальцы немеют, надо было надеть перчатки...

Наконец показались деревья, а за ними крошечный дворик. Потом и крайние трейлеры. «Собаки на входе», — успокоил он себя. Но все же его дыхание участилось.

К кабелю спутниковой антенны на трейлере Чеда Макгинти было подсоединено устройство, которое записывало до пятисот гигабайт данных о том, как используется интернет. Перед тем, как установить его две недели назад, Висенте нарисовал по трафарету на черной поверхности логотип компании *Dishnet* и придуманный серийный номер. Хойл сунул руку в нагрудный карман и вытащил специальный инструмент для резки проволоки.

Он шел боком, пока не оказался прямо за задним углом трейлера. Хойл прислонился к толстому дереву. Впереди распласталась открытая лужайка в пятнадцать ярдов. «Если это можно назвать лужайкой», — сказал он себе.

«Тридцать секунд до трейлера, — прикинул он. — Чик-чик. И тридцать секунд обратно к деревьям». Если он сумеет добраться туда и не разбудить собак, то все будет хорошо. Тогда он неторопливым шагом вернется к своей машине. Поедет домой, подключит USB-кабель к устройству и загрузит данные на свой компьютер. Если Чед за последние две недели посмотрел какую-нибудь детскую порнографию, особенно с участием афроамериканских девушек, то станет номером один в их списке. Если нет, тогда они сосредоточатся на Генри и Ройсе и попытаются выяснить, кто из них виновен. Еще они надеялись найти электронную переписку Чеда с Вирджилом Хелмом. Любое из этих открытий было бы преступлением.

Хойл вполне ожидал, что дело теперь раскроется, раз Висенте и Розмари неохотно согласились использовать новейшие технологии. «К черту легальность», — спорил он. К счастью, их разочарование в конце концов победило. Любые эти доказательства могут быть анонимно переданы властям, вот, ордер на обыск получен, компьютер изъят, арест произведен. Факты остаются фактами.

Хойл закрыл глаза, пытаясь успокоить свое сердцебиение. Он с осторожностью вдыхал через нос и выдыхал через рот.

— *Эхейе эшер эхейе**, — прошептал он стволу дерева. — Я тот, кто я есть. Я тот, кто я есть...

А потом прочь от дерева и вперед к трейлеру. Кусочки для проволоки были зажаты в его правой руке, как боевая клешня пальмового вора. Осталось пройти четырнадцать ярдов. Тринадцать. Двенадцать.

Когда мужчина был в десяти ярдах от трейлера, вспыхнули огни датчиков движения, заливая всю лужайку ослепительным светом. Тут же раздался яростный и злобный лай. Хойл застыл лишь на мгновение, а затем сорвал очки с головы и поспешил к трейлеру, протягивая руку к кабелю в поисках устройства.

Но там его не было. На его месте к кабелю был прикреплен большой прозрачный пакет на молнии, а в нем листок бумаги. Хойл сорвал его, быстро надел очки, развернулся и побежал изо всех сил.

Он был уже на полпути к машине, когда лай стал громче, и теперь можно было определить количество собак. «Их отвязали», — подумал мужчина. Три больших злобных пса теперь шли по его следу.

---

* Иврит

Луч фонаря прорезал кроны деревьев впереди и слева от него. Затем пропал. Снова появился. И пропал. Хойл повернул к свету, сердце бешено колотилось, каждый вздох обжигал горло и легкие. Длинные, неустойчивые, неуклюжие шаги. Судя по звукам, собаки вот-вот догонят. Машина. Двигатель заведен. Фары включены. Задняя дверь открыта. Он нырнул внутрь, приземлившись головой на колени Розмари.

Висенте вдавил педаль в пол. Из-под колес полетела грязь.

— В прошлый раз никаких датчиков не было! — сказал Висенте. — Когда он их установил?

Когда ответа так и не последовало, он спросил:

— Достал?

Прижав руку к груди, Хойл мог лишь тяжело дышать и пытаться восстановить дыхание. Другой рукой он протянул пакет Розмари. Она взяла его и осветила фонариком. Открыв пакет, достала оттуда блокнотный листок, на котором черным жирным шрифтом было напечатано короткое послание. Она прочитала вслух:

— «Дорогие ФБР, ЦРУ, АНБ, военная разведка и вообще вся нацистская чертова федеральная система, которая вторгается в мою собственность, подотрите этим зад...» О боже, — добавила Розмари.

— Что там еще? — спросил Висенте.

— Только два слова. Первое — «сожрите».

Висенте тяжело выдохнул и стукнул кулаком по рулю. Потом глянул в зеркало заднего вида и увидел, как три лающих пса глотают пыль.

Спустя две мили они выехали на шоссе. Хойл все еще надрывно дышал и сжимал свою грудь.

Висенте снова посмотрел в зеркало, но на этот раз на Хойла, который закрыл глаза и всем телом развалился на сиденье.

Прогулки на костях

— Ты свистишь, как дырявый аккордеон, — сказал он другу. — Все нормально?

В ответ Хойл лишь снова простонал.

Висенте оглядел темное шоссе сначала слева, потом справа.

— Ладно, — сказал он. — Куда теперь? В ресторан или домой?

Хойл глубоко вдохнул, на мгновение задержал дыхание, а потом на выдохе ответил:

— В больницу.

Глава восьмая

Еще ребенком Райан научился замирать — превращаться в статую — всякий раз, когда отец приходил домой. По утрам все было легко, потому что мальчику приходилось лишь неподвижно лежать в постели, лицом к стене, пока тяжелое присутствие, заполнявшее его дверной проем, не перемещалось в спальню матери Райана, где этот резкий требовательный голос звучал до тех пор, пока его не заглушал более мягкий, успокаивающий. Потом раздавался стук кровати о стену, и отец со стоном проваливался в сон, позволяя Райану сбежать в школу или в лес.

А вот по вечерам для мальчика все было гораздо сложнее. Иногда его отец неожиданно врывается, распахивая дешевую алюминиевую дверь трейлера, в которую даже зимой не вставляли стекла, а затем деревянную дверь, которая была потолще, но отнюдь не плотнее, и заставлял Райана за выполнением домашнего задания за маленьким столиком или за игрой в карты с мамой. Тогда сыночек тут же напрягался и смотрел куда угодно, лишь бы не на отца. А тот

сперва направлялся на кухню, открывал и с грохотом закрывал все шкафчики в поисках нескольких пропавших долларов. Затем он искал сумочку матери Райана и рылся в ней, а иногда даже выворачивал все содержимое на столик прямо Райану под нос. Если повезет, то отец наскребал на парочку рюмок или кружек пива и уходил, никого не тронув. Мать Райана старалась приберегать пару долларов как раз для таких случаев, но денег у них никогда не было, и иногда ей приходилось тратить припрятанные деньги. Иногда она совала их Райану на обед, а иногда покупала бутылку вина, чтобы распить ее с соседом Полом, когда Райана было недостаточно для того, чтобы удовлетворить ее потребность в любви и заботе.

Но иногда шумные поиски его отца ни к чему не приводили, тогда он поворачивался к Райану и требовательно вопрошал: «А где твои?» Райан, не поднимая взгляда на отца, заставлял свое тело застыть и отвечал: «У меня ничего нет». Затем заросшее щетиной лицо отца становилось ближе, как и вонь его дыхания, дыма и пота, и он выплевывал: «Не ври мне, парень. Где ты их держишь?» Райан молчал и никак не подавал виду в ожидании того, что, как он точно знал, произойдет дальше — его схватят за руку, потащат в спальню, швырнут внутрь и заставят искать. И тебе лучше надеяться, что ты что-нибудь найдешь.

Он находил пять центов и парочку пенсов на комод, пыльный четвертак под кроватью. Райан клал их на краешек кровати, и отец тут же хватал их, но при этом оставался в проеме, загораживая проход. Потом Райан ползал на четвереньках по комнате, проверял кучку грязной одежды, до дна перерывал свой крошечный шкаф. Затем отодвигал от стены маленький комод, купленный на барахолке, и искал за ним. Мо-

Прогулки на костях

жет, даже поднимал матрас, чтобы показать, что и под ним пусто.

«Думаю, это все», — бормотал он, и иногда его отец смотрел на него с презрением и шел до конца обыскивать весь дом. Но чаще отец продолжал стоять и говорил: «Лучше найди еще, черт тебя дери, если жить не надоело». Тогда Райан делал притворно-задумчивый вид и оглядывал комнату. Потом изображал, будто что-то вспомнил, подбегал к своему рюкзаку на спинке кровати, расстегивал молнию и переворачивал его вверх дном над кроватью. Из него сыпались карандаши, тетрадки и одинокий четвертак. «Я о нем забыл», — говорил мальчик. Отец выхватывал монету и со свирепым взглядом отвечал: «Ага, забыл, конечно».

Райан смотрел на грудь отца, но не в его глаза. «Я берег его для пиццы в школе», — мог сказать сынок, и если повезет, то здоровая рука всего лишь ударяла его по затылку и сваливала на кровать. В самом же лучшем случае отец тогда выходил из спальни, а еще через десять минут начинал раздирать подушки и кричать на мать Райана, а потом выскакивал за дверь, бросая напоследок: «Просто чертовски при-сворбно, когда человеку приходится собирать бутылки на шоссе только для того, чтобы купить себе пива!»

Только тогда Райан мог с улыбкой пошевелиться. Он уже собрал и продал все бутылки на улицах рядом с их домом и спрятал монеты в банку из-под пепла, которую Пол однажды оставил в своем дворике. Он уже десять раз перепрятал эту банку под своим любимым деревом в лесу за домом. По последним подсчетам, в банке было одиннадцать долларов и сорок семь центов. Скоро ему придется искать вторую. Он понятия не имел, что купит на эти деньги. Он лишь знал, что его отец никогда их не получит.

Глава девятая

Эта зима нанесла Демарко и другие раны. Журналисты преследовали его, требуя рассказать о последних часах жизни Томаса Хьюстона. Делать это он наотрез отказался. Одна киностудия предложила ему гонорар, равный его трехлетней зарплате, за авторские права на его историю.

— Это не моя история, — сказал он им. — Мне нечего продавать.

Однажды он совершил ошибку, согласившись встретиться с представителем «Кливленд мэгазин», анонсировавшего статью в память о Томасе. Журналистка была молода и полна энтузиазма, и Демарко согласился только из уважения к своему другу. После получасового разговора она спросила:

— Не могли бы вы рассказать нам о том, как вы все же выследили убийцу? Как вы собрали все факты и все поняли?

Тогда ему захотелось уйти, но еще хотелось поступить правильно по отношению к своим коллегам и их профессии. Поэтому он ответил честно, хотя и уклончиво.

— Дело не только в сборе фактов, — сказал он. — Факты — это только часть истории. А иногда всего лишь набросок. Сначала нужно выяснить, что произошло. Это самая легкая часть. Потом нужно узнать, почему это произошло. Вот в чем вся трудность. Это лишь верхушка айсберга, а все остальное скрыто под водой.

Он ждал, что она спросит: «Разве не так говорил Хемингуэй?» Но она только улыбнулась и кивнула, широко раскрыв глаза, словно он собирался поделиться с ней древней мудростью.

Прогулки на костях

— Есть текст, а есть подтекст, — продолжал он, пытаясь вспомнить весь разговор с Томасом и слова писателя. — Есть следствие и вывод. Есть история и предыстория. На самом деле, без второго не существует первого. Вас, к примеру, не было бы без матери. И без отца. Нет настоящего без прошлого.

— Ух ты, — сказала она, яростно чиркая в блокноте. — Обалдеть. Это превосходно.

Он извинился, вернулся в свой кабинет и закрыл дверь. Когда статья вышла, он даже на нее не взглянул.

И всю эту зиму Демарко снова и снова думал о Ларейн, постоянно задаваясь вопросом, правильное ли решение он принял. Да, их отношения после расставания были токсичными, но разве стоило оставлять ее наедине с этим ядом? Каждые выходные он боролся с желанием съездить в Эри и провести ее. Ему удавалось отговорить себя с помощью мысли о том, что она встречает незнакомцев в барах, ведет их к себе домой и занимается с ними сексом только потому, что знает — он следит за ней; следовательно, если он перестанет это делать, такое поведение прекратится. Такая логика хорошо работала после захода солнца, но при свете дня от нее не оставалось и следа. В ее действиях присутствовал и элемент саморазрушения. Возможно, она хотела стереть свои воспоминания так же сильно, как он — свои.

Психотерапевт, к которому он ходил после смерти Хьюстона, попытался пробудить эти воспоминания, и какая-то часть Демарко болела за то, чтобы все получилось. Но другая часть, молчаливо вышколенная с четырех или пяти лет, оказалась невосприимчива к унылому перечню тщательно сформулированных вопросов, так что от них Демарко лишь клонило в сон. *Как этот инцидент повлиял на ваши отношения на ра-*

боте? У вас проблемы со сном? Вам не кажется, что вы слишком много пьете?

Зачастую Демарко хотелось ответить честно, но из его уст вылетали только полуправдивые реплики. Одно лишь упоминание о малыше Райане заставляло его вздрагивать, шрам на его лице сжимался еще сильнее. Психолог назвал смерть ребенка «несчастливым случаем», и это разозлило Демарко. Была ли глупость случайностью? А невнимательность, пусть и мимолетная? Нет, так называемый «несчастный случай» произошел по его вине — не по вине другого водителя, не по вине Бога, не по вине судьбы, никто не был виноват, кроме него самого. И эту вину он принимал полностью.

Наконец, он вернулся к службе, к своей рутинной работе по поддержанию хоть какого-нибудь порядка во всех деревнях, селах и фермах округа, где главным общественным событием года была фермерская выставка в конце лета.

И там ему пришлось столкнуться с самым обременительным раздражением той опасной зимы. То, как с ним обращались его сослуживцы... как шеф всегда смотрел на него, когда считал, что Демарко не видит, будто Райан вот-вот рассыплется на части и... что? Выпустит своих демонов? Подождет все бараки яростью своего несчастья?

Господи, спасибо тебе за Джейми. Он повторял эту мантру каждый раз, когда впадал в гнев или, еще хуже, в безмолвную и бессильную безнадегу. Она и понятия не имела, с каким отчаянием он цеплялся за нее, потому что всю неделю он не слишком-то уделял ей внимание. Прикосновение руки, чашка кофе, тут какой-нибудь жест, там улыбка. Демарко всегда чувствовал себя виноватым — будто он играл с ней, эксплуатировал, чтобы выжить самому.

Субботние ночи были другими. Он занимался любовью так, словно точно верил, что утром потеряет ее. А если так, то он потеряет последнюю частичку себя, которая, возможно, заслуживает жизни.

Глава десятая

С первыми теплыми днями марта на юго-западе Кентукки начались гаражные распродажи. Аарон Генри, опозоренный учитель восьмых классов и известный педофил, ходил на них каждые выходные. Он искал первые издания книг, старые украшения, женские сумочки, DVD-диски, музыкальные инструменты, работающие айподы и MP3-плееры, красивую стеклянную посуду, керамические статуэтки, фигурки известных персонажей и любые другие предметы, которые можно отмыть и выгодно продать на «Ибее». Он всегда носил бейсболку и зеркальные авиаторы, держался подальше от трейлерных площадок, где почти все было хламом, как и от богатых районов, ведь там были слишком высокие цены для выгодной перепродажи, и никогда не покупал возле школы, в которой раньше учил.

Во время третьей слежки за подобным его досугом, пока Хойл и Дэвид Висенте наблюдали в бинокль через тонированные стекла «Форда Бронко» Хойла, Розмари Туми решила попробовать прямой доход.

— Это интересно, — сказала она, стоя у противоположной от Генри стороны раскладного стола, заваленного детскими игрушками. Она взяла резинового тролля с огненно-рыжими волосами, показала ему и добавила: — Моя внучка любит подобные игрушки.

Он лишь на секунду поднял глаза, кивнул и отвернулся. Потом шагнул к концу стола. Розмари не отставала.

— Я все твержу ей, что это надо выбросить, а она говорит, что однажды это будет стоить хороших денег. А вы как думаете?

— Сколько? — взглянул он на куклу.

— Четыре доллара, — ответила Розмари.

— Сейчас она может и за десять продать. Сложно подгадать, сколько потом она будет стоить.

Он отвернулся от стола и пошел к следующему. Розмари шла следом.

— А «малыши Бинни»? — спросила она. — У внучки их штук сто. Она их собирает с того момента, как научилась ходить.

— Их полно в магазинах, — ответил он. — Только редкие имеют какую-то ценность.

Мужчина снова попытался отделаться от нее, а Розмари снова не отставала.

— Мне кажется, у нее есть все, — сказала она. — Какие из них самые дорогие?

— В интернете все цены есть, — ответил он.

— Я ей скажу, — пообещала Розмари. — Ей уже тринадцать. Такая красавица. Давайте я вам покажу фотографию.

Аарон Генри снова отвернулся, на этот раз с резкостью, и зашагал вниз по улице с пустыми руками. Она проследила, как он прошел полквартиры до своей припаркованной у тротуара машины, затем положила тролля обратно на стол и направилась к «Бронко».

Висенте открыл ей изнутри заднюю дверь и подвинулся, освобождая место.

— Он не проглотил наживку, — сказала Розмари, закрывая дверь.

Прогулки на костях

Вообще никакого интереса не проявил? — спросил Хойл.

— По крайней мере, я не заметила.

— Этот человек добровольно согласился на «Депроверу»*. Он не заслуживает нашего внимания, — Висенте откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

— Не факт, что его нынешнее поведение имеет отношение к прошлому, — заметил Хойл.

— Тогда зачем, — спросил Висенте, — мы тратим на это очередную субботу?

Хойл повернул ключ и завел машину.

— Я заказал прослушку, — сказал он. — Она должна прийти на неделе.

Глава одиннадцатая

Решение Демарко уволиться из полиции штата Пенсильвания ни для кого не было новостью, кроме его шефа, коллег и всех остальных его знакомых. Никто не знал, что он подумывал об отставке еще с прошлого ноября, когда наблюдал за смертью друга, а потом пустил пулю в сердце психа. С того самого дня мысль о том, что он не смог спасти Хьюстона, давила на него тяжелым грузом, хоть он и знал, как ловко Томас Хьюстон организовал собственную смерть.

Сейчас же, за восемь дней до летнего солнцестояния, Демарко вошел в кабинет Джейми в казарме, закрыл за собой дверь и сказал:

— Хотел, чтобы ты знала до того, как об этом объявят официально. Я ухожу.

Она смотрела на него долгих десять секунд, потом отодвинула стул, встала, подошла ближе и села

---

* Экспериментальная инъекция

на край стола. Даже в военной форме она была сногшибательна — густые и длинные волосы, словно грива, зачесаны назад и заплетены в две косы; длинные, стройные, сильные ноги; длинные тонкие пальцы; восемнадцать бледных веснушек, рассыпанных по щекам... запах ее шеи, вкус кожи.

— Ты увольняешься? — уточнила она.

— Да, таков план, — кивнул он.

— И что будешь делать?

— Наконец-то выплыву, наверное, — пожал он плечами.

Она выпрямила спину и глубоко вздохнула. Его внимание привлекла ее грудь под накрахмаленной серой рубашкой. На ней тоже были веснушки.

Он вспомнил их последнее воскресное утро. Джейми голой вылезла из кровати и раздвинула тяжелые шторы со словами: «Да будет свет». Всю комнату, вместе с ее белоснежным телом, залили розовые лучи восходящего солнца. Ее бледная кожа сияла ярче, чем свет из окна. А Демарко заморгал с кровати, словно восстающий из могилы труп, и сказал «Аллилуйя». Но сейчас, в последние дни весны, и здесь, в ее кабинете, казалось, что она светится еще сильнее.

— Это какой-то твой план, чтобы от меня избавиться?

— Я никуда не уезжаю, — ответил он.

— Чертовски верно, — ответила она. А затем добавила чуть погодя: — Ты это хорошо обдумал?

— Много раз.

— И что теперь? — жевала она внутреннюю сторону щеки.

— Ты это про нас?

— Конечно, про нас.

— Надеюсь, все станет лучше. Теперь нам не придется скрывать.

Прогулки на костях

— И?

— Я не совсем понимаю, что это значит.

— Это союз. Не конец предложения. Значит, нужны еще слова.

— Ябба дабба ду?

— Очень смешно, мистер Флинстоун, — улыбнулась она, — но я не говорю по-неандертальски, — она подняла руки перед собой, сложив пальцы вовнутрь. — Так ты говоришь, что хочешь продолжать отношения?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо. Мне нравится, когда ты соглашаешься. Но откуда мне знать, что ты не устанешь от безделья, не купишь мотоцикл и не отправишься без меня на поиски какого-нибудь дикого приключения?

Как сказать женщине, что единственное, в чем ты точно уверен, так это в том, что ты не сможешь жить без нее? Он еще не научился произносить такие слова.

— Как я уже говорил, я никуда не поеду.

В глубине ее глаз будто сиял свет. Он ждал, пока она скажет что-то еще, но когда она от него отвернулась, посмотрела на свой стол, а на отполированное дерево упала слезинка, он сказал:

— Обещаю, ничего не изменится.

Когда он шагнул к ней, она подняла руку и задержала ее в воздухе, наклонив чуть в сторону свою голову, поэтому он отступил к двери как можно тише и оставил ее наедине со своим молчанием.

Глава двенадцатая

В свой десятый день рождения Райан Демарко шел по рельсам, которые тянулись вдоль реки в паре миль от его дома. По ним больше не ездили, поэтому они

проржавели, а в некоторых местах торчали вверх. Ему нравилось гулять по рельсам, потому что так он иногда мог бесшумно подкрасться поближе к индейке, куропатке или фазану, которые потом взлетали, громко хлопая крыльями. Он же от этого всегда вздрагивал и радовался одновременно.

В свой день рождения он не испугал ни одной птицы, просто решил следовать вдоль широкого медленного ручья, чтобы посмотреть, где он заканчивается. Мальчик прошел совсем немного, минут пятнадцать или вроде того, прежде чем сухой, жаркий летний день, пахнувший кустарниками и индийским табаком, начал вонять разлагающимся трупом. Райан все шел, а вонь становилась все сильнее, и в конце концов ему пришлось зажать нос и дышать ртом через ладонь. Он никогда раньше не чувствовал такого сильного запаха гнили, поэтому ему хотелось посмотреть, откуда он идет. Ни мертвый опоссум, ни раздавленная кошка на дороге никогда так не пахли. Как и куча старого мусора или дохлая крыса на кухонном полу.

У этого зловония будто была своя физическая форма — оно было осязаемо, как жир на его лице, как едкий дым в его глазах. Он задался вопросом, возможен ли такой запах от человеческого тела или даже двух, и задумался о том, что же произошло в лесу. Парочка пьяниц могла потерять сознание и стать обедом медведей или стаи канюков, таких больших, что пьяницы умерли под их тяжестью. Мужчина мог преследовать какую-нибудь женщину, чтобы принудить ее к сексу, и в итоге они друг друга зарезали или застрелили. Может, кто-то охотился на оленей вне сезона, споткнулся и выстрелил себе в голову, случайно вышибив себе мозги. От чего-то такого вполне могло сильно вонять. Он не был уверен, но подозревал, что гниющий чело-

Прогулки на костях

век будет вонять гораздо хуже, чем сбитое животное или гниющая крыса — пока что он имел дело только с их трупами.

Спустя где-то двадцать минут ручей свернул в какой-то мелкий залив с застоявшейся водой. Вдруг он увидел там раздутую коричнево-белую корову — зад ее находился в мутной воде, белое брюхо казалось невероятно огромным в солнечном свете, глаза ее были полностью выклеванными, а длинный мертвый язык, высунутый из пасти, выглядел слишком черным и нелепым. Он удивился, что нечто столь обычное и безобидное, как корова, могло издавать такой ужасающий запах. Из каждой дырки в шкуре высовывались жужжащие огромные черные мухи и тихие белые личинки. Мальчик задумался, почему здесь нет ни канюков, ни собак, ни других животных, съевших корову. Никому до нее не было дела, кроме личинок и мух, которые издавали звуки, как тысяча колибри, копошащихся в поле со сладкими желтыми цветами.

Глава тринадцатая

Менее чем через полчаса после того, как Демарко общил рядовой Джейми Мэтсон о своем уходе в отставку, она вошла в кабинет Кайла Боуэна, их командира, и закрыла за собой дверь. Она быстро подошла к стулу, который стоял у края стола, села, откинулась назад, скрестила руки на груди и посмотрела на мужчину.

— Я пытался его отговорить, — сказал он где-то через пятнадцать секунд.

— Правда? — спросила она.

— Это его решение. Что я могу сделать?

- Ты же понимаешь, в каком он сейчас состоянии.
- Я едва ли радуюсь этому больше тебя.
- Тогда отговори его как-нибудь.
- Я надеялся, что ты сможешь, — выдохнул он. — Ты ему сейчас дороже всех, Джейми.

После этого она вся напряглась, руки ее упали на колени.

— Думала, мы не знали? — спросил Боуэн. — Все знают. Он не хмурится, не огрызается и не ворчит себе под нос, только когда он рядом с тобой.

— Это все произошло внезапно.

— Что ты, я счастлив за вас. Ты делаешь его лучше. Сейчас хотя бы можно прекратить притворяться, что мы все слишком тупые, чтобы заметить очевидное.

— Когда ты последний раз был у него дома? — она наклонилась вперед и сложила руки между коленей.

— Я? Никогда.

— Там полно призраков, — сказала она.

— Могу представить.

— Правда? Разве *ты* винишь себя за смерть собственного ребенка в автокатастрофе?

Он промолчал.

— Винишь себя за разрушенный брак? — она вся сгорбилась, а голос срывался. — За то, что твоя жена превратилась в какую-то садистку-нимфоманку? За то, что семью твоего лучшего друга растерзали, и за то, что твоего друга убили у тебя на глазах?

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю.

— Он терпит одну травму за другой сколько... с момента нашего знакомства? Его сознание *на грани*, Кайл. Работа — единственное, что помогает ему сохранить рассудок.

— Тогда почему он хочет в отставку?

Прогулки на костях

— Потому что он думает, что уже ничего не изменит, что все его дела проваливаются.

— И выход из ситуации — просто все бросить?

— А ему ты это говорил? — спросила она.

— Ты же знаешь, что он меня немного пугает, да? — нервно улыбнулся Кайл.

— Он любит тебя как сына.

— «Любит» — слишком сильно сказано.

— Он всех тут любит. Как любит и свою работу. Она нужна ему. Не позволяй ему уйти.

— Я не знаю, что делать, Джейми. Он настроен решительно.

Оба они нагнулись вперед в одной и той же беспомощной позе — плечи ссутулились, руки зажаты между коленями.

Через несколько секунд Боуэн склонил голову набок и снова выпрямился. Он пошевелил беспроводной мышкой и разбудил компьютер, затем щелкнул, чтобы перейти от одной вкладки к другой. Джейми ждала.

— У него есть двести девяноста три неиспользованных больничных дня, — наконец заговорил он.

— Да? — спросила она.

— Я могу ему сказать, что он сможет вернуться максимум через двести дней.

— А это правда?

— Не знаю, надо уточнить в отделе кадров. Суть в том, что, если он в это поверит, может, мы уговорим его уйти в долгосрочный больничный отпуск. Вместо увольнения. Зарплата у него останется, и страховку он не потеряет.

— Так, — Джейми обдумывала ситуацию. — Так он будет отсиживаться в своем мрачном доме во время больничного. И слишком много пить в окружении

призраков прошлого и моря неудач и горя. Но зато у него останется страховка. Ю-ху! Молодчина, Кайл!

— Знаешь, ты теперь даже говоришь, как он. Я тут стараюсь, как могу, а в ответ получаю лишь сарказм.

— Хреново стараешься.

Они немного помолчали.

— У меня самой должна быть хотя бы парочка месяцев больничных и отпускных, которые я не использовала, — сказала она после паузы.

— Да, но... ему-то психиатр все подпишет. А у тебя откуда посттравматический синдром?

— Даже не говори мне, что никогда не подделывал рапорты.

— Подделывал? Это же мошенничество со страховкой, Джейми. Во всяком случае, если дело в больничном.

— Думаешь, я не сяду ради него в тюрьму?

— Возможно, нам дадут соседние камеры. Пока моя жена будет работать в магазине, где все за доллар.

— Он бы для тебя это сделал. Он бы все сделал для любого из нас.

В отчаянии Боуэн ударил кулаком по краю стола, а затем поморщился от боли и помассировал пальцы другой рукой. Когда боль утихла, он спросил:

— Скажи мне честно. Как думаешь, что с ним будет, если он уйдет в отставку?

— Ему сорок девять лет, он многократно травмирован и находится в клинической депрессии. Он занимается самолечением, чрезмерно употребляя днем кофе, а вечером алкоголь. Он плохо ест, не занимается спортом и мало спит. Что с ним будет, если он останется один без цели в жизни? Исчезнет. Так или иначе.

Боуэн ненадолго задумался:

— Так он представляет для себя угрозу?

Прогулки на костях

— Это может быть очень медленным суицидом, но да, он постепенно себя убивает. Прямо на наших глазах.

Мужчина снова замолчал.

— Ладно. Я подделаю. Преувеличу. Но мошенничать не стану.

— В каком смысле?

— В смысле, ты все еще лучшее лекарство для него, какое я могу придумать. Начиная с этого момента я ставлю тебя на постоянное наблюдение за сержантом Райаном Демарко.

— Давай серьезно, — сказала она.

— Твоя задача — вернуть его нам целым и невредимым. Как это сделать, решай сама. Но, как я уже сказал, он меня немного пугает. Так что, если этот разговор когда-нибудь дойдет до него, я буду все отрицать.

— Он возненавидит меня, если узнает, что я согласилась на что-то подобное.

— Он возненавидит нас обоих.

— Это его оскорбит. Ты же это понимаешь?

— Слушай, — сказал Боуэн, — а что, лучше оставить его наедине с самим собой?

Она прикинула свои варианты.

— Может, я просто уйду в отпуск? Неоплачиваемый.

— На сколько?

— На столько, сколько понадобится.

— Ты сможешь прожить без зарплаты?

— Я живу одна, — напомнила она ему. — Я накопила денег.

— Он же не на другую планету уезжает. Даже если ты будешь работать, до него всего сколько, восемь миль? Будете вместе обедать. Проводить вместе выходные. Пару раз в день будешь ему звонить. Серьезно, ничего личного, но захочет ли такой, как он, иметь при себе постоянную няньку?

— Теперь ты оскорбляешь *меня*, — сказала она ему.

— Он не особо общительный человек, Джейми.

Уверен, ты уже успела это понять.

Она сидела, опустив глаза и надув нижнюю губу, а затем парировала:

— А что, если он решит куда-то уехать?

— Ты его отговоришь.

— В этом все и дело. Я думаю, ему это пойдет на пользу. Выбраться из этой темной пещеры, полной плохих воспоминаний.

— Эта пещера в его голове, — сказал он ей.

Несколько мгновений она сидела неподвижно, потом положила руки на колени и встала.

— Этот разговор ни к чему нас не приведет.

— Дай знать, если придумаешь что-нибудь лучше, — пожал он плечами.

Глава четырнадцатая

Джейми пришлось ждать до субботы, чтобы услышать о разговоре Демарко с Кайлом Боуэном в прошлый четверг. В субботу это произошло после ужина, после занятий любовью, где-то на середине «Трех могил» на «Синемаксе», когда они лежали, приятно прижавшись друг к другу, под одеялом из искусственного меха на мягком диванчике Демарко. Он в боксерах, футболке и чистых белых носках, а на Джейми лишь ее веснушки.

— Кайл считает, что мне надо использовать часть моих больничных дней до того, как официально уволиться.

— Правда? — сказала она. — А ты можешь так сделать?

Прогулки на костях

— Судя по всему, я могу взять двести дней больничного. Всего у меня двести девяноста три.

— Ничего себе. Звучит как неплохой вариант, разве нет?

— Не знаю. Больничный отпуск. Это как будто жульничество.

На экране Томми Ли Джонс в роли Пита разговаривал со слепым стариком, который хотел, чтобы Пит застрелил его. Старик был в этой пустыне совсем один, никто о нем не заботился. Он хотел умереть, но не хотел святотатствовать, совершая самоубийство. Пит же не хотел святотатствовать, совершая убийство.

Только когда Пит и его пленник ускакали на лошадях с разлагающимся трупом Мелькиадеса Эстрады, Джейми и Демарко вернулись к своему разговору.

— Разве это жульничество? — спросила Джейми. — В смысле... я знаю, ты все еще пытаешься разобраться со своей жизнью. Хотя, я думаю, с психологом все прошло нормально.

— Ага, шикарно. Мы теперь закадычные друзья.

— Ой. Что произошло?

— Это в моем личном деле, если захочешь прочитать.

— Я бы никогда так не сделала.

Он чуть сжал свою руку, лежавшую под ее бедром.

— Он рекомендовал продолжать когнитивную поведенческую терапию и тренинги по снижению стресса. И то, и другое в форме секса. И как можно чаще.

— Ладно, — усмехнулась она. — У тебя с этим порядок?

— Пока да, — ответил он. — Но возможно, придется снова этим заняться после фильма.

Она повернула голову к его плечу и прижалась губами к футболке. Он чувствовал, как его окутывает тепло ее дыхания.

— И еще, — добавил он, — так у меня останется страховка.

— Это хорошо, — ответила она. — Так что, ты так и поступишь? Возьмешь больничный отпуск?

— Мне это тяжело, понимаешь?

— В каком смысле?

— Как будто я признаю, что я... ну не знаю... Не могу сам со всем справиться, что ли...

Она обрадовалась, что он сейчас не видит ее лица, и постаралась выровнять дыхание.

— Что ты, все совсем не так, — сказала она. — Больничный лишь даст тебе больше *времени*, чтобы со всем справиться. Ты справишься с чем угодно. Ты всегда мог.

Демарко следил за происходящем на экране.

— Вот Томми Ли Джонс точно может. Этот фильм вышел до или после «Старикам тут не место»?

— Не уверена. Здесь он выглядит моложе.

— Ты знаешь, что он учился в Гарварде? И был соседом Альберта Гора.

— Он там изучал английский. И еще играл за вратаря в футбольной команде всей Лиги Плюща.

— Ты все это на ходу сочиняешь, да?

— Его отец начинал техасским ковбоем, а закончил на нефтяных скважинах.

— Видимо, он твой кумир, раз ты так много о нем знаешь.

Демарко какое-то время смотрел на экран, а затем сказал:

— Мне было двадцать четыре, когда я увидел его в «Беглеце». Тогда я решил, что хочу работать в правоохранительных органах.

— Двадцать четыре, — повторила она. — А до этого?

— Ничего такого. Я из кожи вон лез, чтобы закончить школу. Потом полтора года пил, дрался и работал

Прогулки на костях

на сталелитейном заводе в Янгстауне. Потом я выбил все дерьмо из парня, который оскорбил мою девушку, и меня за это арестовали. Судья предложил мне год в тюрьме или пойти в армию.

— Где ты служил?

— Пять месяцев в Панаме и один в Ираке. Остальное в Штатах. Потом я вернулся домой, где у меня не было никого и ничего. Весь первый день я провел один в кинотеатре.

— «Беглец».

— В программу по защите свидетелей в США можно только с дипломом колледжа. Как и в ФБР. Оставалась только полиция штата. Я не хотел арестовывать своих старых знакомых, поэтому переехал за тридцать миль к западу.

— И вот ты здесь, — сказала она.

— В объятиях прекрасной женщины.

Они крепко обнялись и лежали в тишине. Разговор о своем прошлом, внезапный и без принуждения, — это совсем не то, что он планировал, но теперь, когда дело было сделано, он одновременно чувствовал и облегчение, и смущение.

Затем он спросил во время финальных титров:

— Хочешь, перемотаю назад последнюю часть? Прости, что так много болтал.

— Ты лучше любого фильма, — ответила она.

— Даже «Апокалипсис сегодня»? — улыбнулся он.

— Ну, за исключением сцены смерти Марлона Брандо, — сказала она. — Это довольно сложно побить.

Он придвинул ее к себе, прижал губы к ее уху и прошептал, как можно лучше подражая Марлону Брандо:

— Ужас... ужас...

Глава пятнадцатая

Нередко случалось, когда они занимались любовью, она вспоминала свой первый раз с Демарко. Когда такие мысли просачивались, она думала: «Это в точности как мой самый первый раз, когда мне было пятнадцать».

Ее первый раз с Демарко был больше года назад, еще до его окончательного расставания с Ларейн, до того ужасного шока от смерти Томаса Хьюстона и его семьи. Если бы тем вечером все решал Демарко, то свидание закончилось бы поцелуем в щечку на парковке ресторана. Но вместо этого она поехала за ним домой, не тайно, а игриво, даже не пытаясь укрываться от обзора его зеркала заднего вида. А потом, когда он въехал в гараж, она заблокировала дверь своей машиной и вылезла из нее. Он подошел к ней, на лице его читалось удивление, а она взяла его за руку и сказала: «Я хочу посмотреть, где ты живешь», но в мыслях у нее звучало «*как ты живешь*», потому что ей хотелось узнать о нем все на свете и она боялась, что он больше никогда не пойдет с ней на такой контакт.

В доме он налил им немного виски, отнес спиртное в гостиную, поставил ее бокал на кофейный столик напротив дивана, а свой понес к диванчику, где сам и сел. «Вот и все», — сказал он, будто больше ничего нельзя было сказать ни о доме, ни о нем самом. В ресторане он был забавным и внимательным, но теперь, у себя дома, при тусклом свете, идущем из кухни, мужчина снова стал серьезным. Поэтому она взяла свой бокал и, попивая виски, медленно протанцевала к его дивану, а затем села к нему на колени.

Он удивился, но никак не пошевелился и ничего не сказал — все как в ее первый раз, когда ей только-толь-

Прогулки на костях

ко исполнилось пятнадцать и она соблазнила взрослого мужчину. Тогда она пощекотала его ребра, а мужчина неловко рассмеялся и сказал: «Разве ты уже не выросла из того возраста, чтобы сидеть на коленках?» Теперь же она прислонила свой бокал к щеке Демарко и он сказал: «Возможно, это не лучшая затея, Джейми». Оба раза она знала, что мужчины хотят ее, но пытаются побороть это желание, отчего она только хотела их сильнее. Хотела, чтобы это произошло, даже несмотря на их согласие. И даже несмотря на их борьбу со своим желанием и на то, что объектом этого желания была она сама. Не важно, как долго они протестовали, она лишь продолжала улыбаться и трогать их до тех пор, пока дело просто уже невозможно было остановить.

В тот первый раз она лишь догадывалась, что такое минет. Она знала об этом только благодаря взрослой соседке. До того, как ее убили, она показала Джейми на своей руке, как, по ее мнению, делать идеальный минет. Но с Демарко Джейми уже не сомневалась, что все делает правильно, и в обоих случаях таким образом она завладела как их кроватями, так и сердцами — всё, как она хотела.

После того первого раза, когда ей было пятнадцать, все продолжалось семь лет — они встречались как можно чаще, даже вместе выбрали ей колледж там, где они смогут вместе проводить выходные. Все закончилось только потому, что он не мог поверить, что совершает ошибку, и всегда ненавидел себя за это, он сам ей сказал. С Демарко поначалу тоже все было весьма неприятно, потому что он ненавидел себя за свои прошлые поступки и за то, что сейчас чувствует что-то к кому-то еще.

Но вот год спустя он поддался, и она все еще не могла понять, почему, но теперь они вместе. Она не

чувствовала никакой вины ни в первый раз, ни с Демарко и отказывалась признавать, что поступила неправильно. Джейми знала, что его чувства к ней ранят его, но само желание, судя по всему, было сильнее боли, потому что теперь она всегда была с ним, а его голод по ней был таким же реальным и осязаемым, как и ее. Она не понимала, откуда берутся оба их желания, но говорила себе, что ей и не нужно понимать. Ведь в любви нет ничего плохого, и она никогда не согласится с тем, что любая любовь может быть неправильной.

Глава шестнадцатая

Утро воскресенья. Демарко стоял у раковины и отмывал сковородку, в которой он жарил «яичницу по-демарковски» — омлет, приправленный специями адобо, затем смешанный с мелко нарезанным перцем поблано, луком и итальянской колбаской, сверху посыпанный сыром проволоне с сальсой верде и капелькой острого соуса, подается на половинке поджаренного бейгла. Джейми сидела за маленьким столиком у окна и попивала кофе.

— У меня есть наблюдение, — сказала она.

— Оно по поводу моей задницы, да? — обернулся он через плечо.

— Твоей задницы и всего остального, — ответила она. — Ты сплошное противоречие.

— Так мы теперь используем свой диплом по психологии? — улыбнулся он.

— С одной стороны, ты человек привычек, — начала она. — Они помогают тебе прожить шесть дней в неделю.

Прогулки на костях

— А ты седьмой день?

— Верно, — похвалила она. — И это лишь доказывает, что ты можешь адаптироваться при необходимости.

— Или при достойной мотивации.

— Каждое утро воскресенья ты готовишь мне завтрак. И, судя по всему, наслаждаешься процессом.

— Это правда, — сказал он и промыл водой сковородку.

— Каждый раз ты начинаешь готовить какое-нибудь блюдо с устоявшимся рецептом, например, яичницу по-мексикански, а потом...

— Все порчу?

— Импровизируешь. Смотришь в холодильник и в ящички, и вот, двадцать минут спустя, «яичница по-демарковски». А теперь скажи честно. Ты раньше готовил это блюдо?

Он положил сковородку на сушилку, вытер руки кухонным полотенцем и повернулся к ней лицом.

— С конкретно этими ингредиентами? Правда, не помню.

— Ты почти все время изображаешь из себя старого нудного грубияна. Но ты не нудный и не старый.

Он обошел стол, отодвинул стул и сел напротив нее.

— Я все еще жду, что ты скажешь «и не грубиян».

— Ну, ты можешь быть таким. Но ты не грубиян.

— Я все еще учусь, — ответил он с улыбкой.

— Ты правда обдумал, чем будешь занимать те пять с половиной дней привычек, если уйдешь в отставку? Тебе же даже пятидесяти нет, Райан. Чем ты займешь эти пустые часы? Будешь сидеть у чьей-то могилы?

Демарко поморщился и откинулся на спинку стула.

— Не надо тратить на меня свои силы, — сказал он.

— Я о тебе забочусь.

— А я о тебе.

— Правда? — спросила она.

— С чего бы тебе сомневаться?

— А слово «люблю» тебя пугает?

У него возникло желание встать и уйти, но он заставил себя сидеть смирно.

— Я к этому слову серьезно отношусь.

— Поэтому ты мне его не говоришь? Потому что не любишь меня?

Не отдавая себе в этом отчет, он положил кулак себе на грудь. Внезапно у него начались проблемы с дыханием.

— Зачем об этом говорить? Разве по моим действиям не понятно, что я к тебе испытываю?

— Со дня субботы до дня воскресенья — да.

Когда он так ничего и не ответил, она продолжила:

— Ты вписал меня в свои привычки, вот и все. Но вот вопрос — что будет, когда у тебя не останется привычек? Что будет с нами? И самое важное, Райан, что будет с тобой?

— Я адаптируюсь, — тут же ответил он. — Мы адаптируемся.

Она улыбнулась и накрыла его руку своей.

— Другими словами, любовь моя, ты и понятия не имеешь, что будешь делать после отставки. И что с нами случится. Так ведь?

Он перевернул свою руку и сплел вместе их пальцы.

— Я возьму больничный отпуск, — сказал он. — Девяносто три дня. А потом что будет, то будет.

— *Que sera sera.*

— Да, типа того.

— А что, если у тебя будет напарник на эти девяносто три дня? — сжала она его руку. — Как тебе такое?

— Ну, я подумывал завести собаку.

Прогулки на костях

— Засранец, — ответил она и дернула его руку. — А что, если я тоже уйду? Будет у нас с тобой трехмесячный отпуск. Мы можем путешествовать. Или валяться целый день в кровати. Ты сможешь придумать сотню блюд из яиц. И у нас будет целых три месяца, чтобы понять, что получится из наших отношений. Потому что я скажу тебе, чего из них точно не получится. Отношений только с субботы по воскресенье.

Тогда ему захотелось сделать две вещи. Первое — постучать кулаком по груди, чтобы как можно больше наполнить легкие воздухом. И второе — медленно вытащить свою вторую руку, встать и смыться оттуда. Он не сделал ничего из этого и ответил как можно спокойнее:

— Зачем тебе это, Джейми? У тебя есть еще двенадцать или тринадцать лет. Совсем скоро ты станешь адмиралом на этом корабле дураков.

— Ну так я немножко передохну. Подумаешь.

— Я даже не уверен, что наш отдел разрешит тебе так сделать.

— Разрешит — хорошо, нет так нет. Чего ты боишься?

— А ты чего боишься? — спросил он.

— В отличие от тебя, — парировала она, — я не боюсь ответить на этот вопрос. Меня пугает, что ты будешь сидеть в своей темной пещере целый день. И что ты станешь делать? Раздумывать над своим трагичным прошлым? Один длинный праздник жалости до конца твоей жизни?

— Джейми, — начал он.

— Не-а. Не надо мне тут заливать, Райан. Я возьму отпуск и...

— Я не могу тебе позволить...

— Что? Чего ты не можешь?! С каких это пор ты принимаешь за меня решения?

Тогда он все-таки вытащил свою руку, но только для того, чтобы поднять свои ладони в знак поражения.

Глава семнадцатая

В то же самое утро воскресенья в шестистах сорока девяти милях отсюда, в Иллинойсе, Хойл сидел за рулем своего припаркованного «Форда Бронко» и наблюдал, как прихожане входили в огромную баптистскую церковь Воскресения в Эвансвилле — женщины на каблуках и в ярких платьях, мужчины в костюмах различных фасонов и оттенков.

— По моим подсчетам, — сказал он своим спутникам, — пока не меньше тысячи.

— Вместимость церкви — полторы тысячи человек, — сказал Висенте. — Если учитывать воскресную службу — помножь на три.

Ему пришлось замолчать, поскольку не было возможности шевелить губами, и он застыл на заднем сиденье, пока Розмари приклеивала ему усы и косматую бороду.

— Умножить на средний вклад... ну, если в среднем, — задумался Хойл, — скажем, десять долларов на душу населения.

— По крайней мере, — отозвался Висенте.

— Я тебе это сейчас в рот залью, если не прекратишь говорить, — сказала ему Розмари.

— Получается, как минимум, — продолжил Хойл, — сорок пять тысяч в неделю, не облагаемых федеральным подоходным налогом. Впечатляет.

Висенте подождал, пока Розмари доклеит сначала усы, потом бакенбарды и такую же бороду.

Прогулки на костях

— Впечатляет не в самом хорошем смысле, — сказал он тогда. — Сама мысль о том, что такой человек извлекает выгоду из религиозного отчаяния...

— Ты выключил телефон? — перебила его Розмари. Она уже слышала эту его тираду слишком много раз. Она была согласна со всеми его чувствами по отношению к пастору Эли Ройсу, но слушать о них заново ей совсем не хотелось.

Висенте достал телефон из кармана брюк, отключил звонок и вибрацию. Розмари передала ему парик такого же грязно-седого оттенка, как и его борода с усами. Он надел его себе на голову, она поправила, а затем вручила ему потрепанную кожаную кепку коричневого цвета. Висенте спустил ее почти к глазам, а потом достал из своего пальто солнцезащитные очки и надел их. Оранжевые поляризованные линзы, идеально подходящие для рыбалки и езды по ночам, придавали солнечному утру резкую, желтоватую бледность.

— Как я выгляжу? — спросил он.

Она отодвинулась чуть подальше и осмотрела весь образ целиком. Старая кепка для гольфа, оранжевые очки, неухоженные волосы и борода, винтажный коричневый костюм в полоску и потертые коричневые лоферы.

— Как полуслепой пьянчуга, — оценила она конечный результат. — Я удивлюсь, если они тебя вообще пустят.

Хойл перекинул свою тяжелую руку через спинку сиденья. Большим и указательным пальцами он держал маленькую черную коробочку, полдюйма шириной и дюйм длиной, завернутую в тонкую целлофановую пленку.

— На этом конце микрофон, — сказал он.

— На каком? — наклонился Висенте.

— На этом. Где булавка.

— И как мне разглядеть эту булавку?

Хойл повернул коробочку другой стороной вверх:

— Это USB-порт. На противоположном конце микрофон. Убедись, что он ничем не загорожен. Вот здесь внизу он выключается.

— Я не понимаю, включен он или выключен, — прищурился Висенте.

— Выключен. Когда нажмешь — он включится. Устройство сможет вести запись в течение двадцати пяти часов. После этого разрядится аккумулятор.

— А что это вокруг него обернуто? — спросил Висенте.

— Защитная пленка. Не снимай ее, пока не установишь устройство. Верхняя сторона покрыта клеем, поэтому не прикасайся к ней. Сними пленку сверху, прикрепи устройство, сними остальную защитную пленку и включи устройство ногтем. Принеси защитную пленку обратно, а то оставишь свои отпечатки пальцев.

— Двадцать пять часов звучит не так уж и много, — Висенте убрал устройство в боковой карман пальто.

— Он будет здесь, в этом здании, до десяти вечера или позже. Как часто в это время человеку нашего возраста нужно в туалет?

— Я могу помочиться тысячу раз и ни разу не сказать ничего компрометирующего, — заметил Висенте. — С кем он там будет разговаривать, со своим членом? Ой, прости, Розмари.

Она чуть вздохнула и отмахнулась от его извинения.

— Дэвид, — сказал Хойл, — хоть я абсолютно понимаю и даже разделяю твою неуверенность, я также

Прогулки на костях

должен признать, что у нас осталось не так уж много практически осуществимых вариантов. Традиционные методы слежки ничего нам не дали. Кроме нового стента в сердце. Поэтому, если ты захочешь отказаться от подобной тактики и, как говорится, опустить руки, я не стану пытаться тебе переубедить.

Висенте смотрел, как последние утренние прихожане входят в здание. Все в его глазах казалось болезненно-желтым.

— Ради наших семи сестер, — сказал Висенте, — я рискну еще раз. Один из моих племянников сможет забрать устройство на следующей неделе.

Он распахнул заднюю дверцу, вылез наружу и медленно зашаркал к церкви. Там он встал в очередь у входа за последними пятью прихожанами. Затем, когда дьякон коснулся его руки и призвал его следовать за ним, пообещав найти ему место, Висенте резко остановился и прошептал:

— Боже, мне надо идти. Я описаюсь прямо в штаны, если сейчас не схожу. Где здесь туалет?

Положив руку на локоть Висенте, дьякон провел его обратно в вестибюль и развернул лицом к коридору.

— Общественный туалет будет за третьей дверью слева от вас.

— Спасибо, брат, спасибо. Я чувствую, как надвигается цунами.

Висенте шел так быстро, как только, по его мнению, мог идти старый человек, нашел мужской туалет и вошел внутрь. Досчитав до пяти, он выглянул в коридор и, убедившись, что дьякона нигде не видно, быстро зашагал дальше по длинному коридору.

В конце коридора он нашел личный кабинет пастора, дверь которого оказалась заперта. Но рядом была

дверь с табличкой «*Вход только частным лицам*» — все, как ему описали. Он повернул позолоченную ручку, и дверь распахнулась.

Внутри виднелась просторная и хорошо освещенная ванная комната. На полу и стенах была мраморная плитка с розовыми прожилками; зеркало в полный рост; огромные раковины на длинной стойке из черного мрамора; электрическая сушилка для рук; душевая кабина, в которой легко могли поместиться три человека; джакузи; туалет с мягким сиденьем и спинкой; через скрытые динамики играл инструментальный гимн; длинная скамейка из кожи винного оттенка; и бронзовый серафим с распростертыми крыльями на мраморном пьедестале.

Висенте крутил в руках подслушивающее устройство. Куда его поставить? Будет ли Ройс говорить в основном в туалете или, скорее, стоя перед зеркалом?

Он был тщеславным человеком, это Висенте знал наверняка. Итак, зеркало. Рама, находящаяся на одном уровне со стеной, точно отпадает. Но конец ее был где-то в полуметре над полом. Кто туда будет смотреть?

Поспешно, хотя и не так ловко, как ему хотелось бы, Висенте опустился на колени, снял часть защитной пленки, приклеил устройство к нижней части рамы, убрал остальную пленку и почти десять мучительных секунд пытался его включить. Затем, как раз когда он собирался засунуть защитную пленку в карман, дверь позади него распахнулась. В зеркале появилось отражение мужчины в полный рост. Дьякон.

Висенте прижал обе руки к груди и наклонился вперед так, что край его бейсболки коснулся стекла. Чья-то рука легла ему на плечо. Он посмотрел на себя в зеркало.

Прогулки на костях

— Что вы здесь делаете? — спросил дьякон. — Это не общественный туалет.

— Молюсь, чтобы кто-нибудь меня нашел, — сказал Висенте. — Я не знаю, где нахожусь.

— Там, где вам не место, — сказал дьякон и взял его за руку. — Вставайте.

Он помог Висенте встать на ноги, развернул и начал пристально разглядывать его глаза. За своими оранжевыми очками Висенте попытался соорудить сонный взгляд.

— Вы пришли сюда пьяным? — спросил дьякон.

— Я даже не знаю, куда это «сюда», — ответил Висенте. — Где я?

— Вы в баптистской церкви Воскресения.

— Слава тебе, Господи, — ответил Висенте.

— Я вас на службу в таком виде не пущу.

— Выведите меня на улицу, — предложил Висенте. — Всё хорошо. Солнце укажет мне дорогу домой.

— Вы помните, где живете, старичок?

— Конечно, помню. Три квартала прямо, четыре направо.

— Уверены, что доберетесь до нужного места?

— Вы меня просто подтолкните в нужном направлении, молодой человек, и я буду в порядке. Моя голова уже проясняется.

Дьякон проводил его в лобби и вывел на улицу.

— Слава тебе, Господи, — повторил Висенте.

— Уверены, что сами справитесь? — спросил дьякон. — Может, позвоните кому-нибудь, чтобы вас забрали?

— Благослови тебя Господь, брат, — сказал Висенте. Он потрепал дьякона по щеке и ушел, напевая под нос «Соберемся ли мы у реки».

Хойл и Розмари наблюдали за Висенте и дьяконом из «Форда Бронко». Висенте вышел на тротуар, все еще напевая. Хойл опустил стекло, чтобы прислушаться.

— Я и не знал, что он умеет петь, — сказал он.

— В колледже он пел блюз, — сказала Розмари.

Хойл повернулся к ней, широко раскрыв глаза.

— Правда, — добавила она.

Они наблюдали, как он идет по тротуару, продолжая петь. Когда дьякон скрылся в церкви, Хойл завел мотор и выехал со стоянки. Он догнал Висенте, который, ковыляя черепашьим шагом, уже не пел, а держался за бок и тяжело дышал. Когда машина остановилась рядом с ним, Висенте открыл заднюю дверцу и забрался внутрь.

— Миссия выполнена, — сказал он.

Обливаясь потом, он с ворчанием стащил с себя кепку, бороду и усы. Мужчина почесал щеки и верхнюю губу — кожа там покраснела и покрылась прыщами.

— Видимо, у тебя аллергия на клей, — сказала Розмари.

— Такое чувство, что кожа сейчас сгорит, — он продолжал чесать.

— Остановись у ближайшей аптеки, — сказала она Хойлу. — Купим крем для кожи.

Пятнадцать минут спустя на парковке «Уолмарта» Висенте, лицо которого все было в креме, откинулся на спинку сиденья, а Розмари осторожно вытерла крем салфетками.

— Я там чуть концы не отдал, — признался Висенте. — Как неудобно быть старым.

— А представь, каково это еще и с ожирением, — сказал Хойл.

Розмари стерла крем с кончика носа Висенте и пробормотала:

— Ну начинается.

Глава восемнадцатая

В следующую субботу Джейми повела Демарко в салон за домиком на колесах.

— Три месяца, — сказала она ему. — Если мы сможем прожить вместе три месяца в фургоне, тогда все будет ясно, да?

Когда она заговорила, он был весь внимание. Если он чувствовал ее нежный запах, ее тепло рядом с собой, то не мог спорить.

— Ты пахнешь как утро, — сказал он ей однажды, имея в виду восход солнца, всегда чистый, свежий и новый. Но когда он оставался один, к нему возвращалась затхлая темная тяжесть, и его пробирала дрожь. Он был слишком стар для нее; он никогда не сможет сделать ее счастливой; однажды она бросит его и разобьет ему сердце; он не заслуживал такого счастья рядом с ней.

Они сидели вдвоем на передних сиденьях четырехлетнего «Флитвуд Шторма», когда он наконец высказал свои сомнения. Солнце отсвечивало на широком лобовом стекле, кожа сидений пахла чистящим средством. Руль стал скользким под его руками. В двадцати ярдах от стоянки стоял улыбающийся продавец в синем костюме с ручкой в руке.

— Я просто думаю, что, возможно, это слишком рано, — сказал ей Демарко. Он думал обо всех тех воскресеньях, которые он пропустит, о тех сумерках с сыном. Казалось, что нарушить эти привычки — плохая

примета. Для него это было похоже на пренебрежение долгом.

Она наклонилась к нему так быстро, что он вздрогнул. Но вместо того, чтобы ударить его голову о боковое окно, она схватила его за подбородок, дернула через консоль и прижалась губами к его уху.

— Смирись, любовь моя, — прошептала она. — Мы покупаем этот передвижной домик.

Глава девятнадцатая

Юго-запад Кентукки, середина июля

Демарко бежал трусцой по улице Поплар, если его медленное, покачивающееся движение с пятки на носок можно было назвать бегом. В какой-то момент боль в боку убедила его остановиться. Он посмотрел время на телефоне — 8:36. Он бегал всего лишь семь минут. Семь минут, которые показались получасом. Позорище. Сердце уже колотилось, грудь горела огнем, а глаза опухли от летней жары. Джейми уже скрылась из виду, вероятно, в полутора милях впереди него. И преодолеть это расстояние он не собирался, если только не свалится и бригада скорой помощи не подхватит его прежде, чем он расплавится на тротуаре.

Это все равно была ее идея. Больше никакого пива, никакого виски. Бокал-другой красного вина по вечерам. Поменьше жареного. И фастфуда. Ежедневные тренировки.

Некоторые тренировки ему нравились. Именно они делали остальную часть этого испытания стоящей. Например, как час назад. Прохладная и обнажен-